

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Давид Самойлов

Пролог

Февраль тысяча девятьсот двадцать третьего года стоял лютый, студёный, как глыбы льда у берега реки Яузы. На горбатом мосту, что вёл к Дангауэровской слободе, красноармеец Моторин остановился и достал папиросу из новенького латунного портсигара, подаренного друзьями на демобилизацию. Вокруг выпуклого серпа с молотом полукругом шла надпись: «Да здравствует мировая революция!»

От вокзала Моторин прошагал сюда чуть ли не половину Москвы, с непривычки оглохнув от столичного шума и суеты. Словно заново смотрел на каменные дома в несколько этажей, на пёстрые нэпманские вывески, густо облепившие фасады вдоль улиц.

Сухаревская башня, Мещанские улицы, Аптекарский огород — родные места, где

мальцом выбеганы и проеханы на запятках пролёток сотни вёрст. Потом парадная Москва закончилась, и кучно пошли серенькие рабочие предместья, словно солью пересыпанные церквами и часовенками.

Справа находились заводы, а слева печально знаменитая Владимирка — Владимирский тракт, по которому гнали каторжников в Сибирь. В девятнадцатом Владимирку переименовали в шоссе Энтузиастов, но старожилы язык об энтузиастов не ломали, упорно придерживаясь старого названия. Бабка рассказывала, что когда шли каторжники, то от звона кандалов уши закладывало, будто сидишь внутри колокола и тебя по голове молотком лупят.

Ещё немного, и из белой круговерти выглянет крыша родного барака с печными дымками над трубами, и маманя в сенях радостно вскинется навстречу:

— Сашка! Сынок! Да откуда ты нежданно-негаданно?! Хоть бы весточку подал, когда тебя ждать!

А потом засуетится, начнёт собирать на стол, вытирая фартуком слёзы радости: не каждый день единственный сынок из армии возвращается!

На улице мело. Метель задувала под полы шинели и сбивала с головы суконную будённовку. Снег натолкался под обмотки ботинок. Хотя какие там ботинки? Опорки, да и только! Калоши бы, да где их возьмёшь? Да и негоже красноармейцам в калошах — по уставу не положено.

Пока папироса торчала в углу рта, взгляд зацепился за купола храма Преподобного Сергия Радонежского, и рука сама собой сложилась в щепоть для крестного знамения. Вот поди же ты, шесть лет прошло, как революция Бога упразднила, а привычка осталась. Моторин подул на застывшие костяшки пальцев и поправил заплечный мешок, где кроме белья лежали буханка армейского хлеба, пёстрый платок для матери и бутылка водки — отпраздновать встречу.

Самый дорогой подарок — дамские часики на цепочке — был спрятан за пазуху, чтобы не потерять в дороге. Мешок в поезде могла шантрапа запросто тиснуть, а шарить у себя за пазухой он никому не позволил бы: свернул бы голову, как курятам, благо силушка в руках имеется, да и красноармейская хватка не подводила. Хотя рядом никакого разбоя не наблюдалось, Моторин нахмурился,

потому что в дороге всё же пришлось одному мужичку за грубость знатно начистить чайник — можно сказать, до зеркального блеска. Ну да ладно, что дурное вспоминать, ведь впереди ждёт только хорошее!

Часики ему продала на базаре бывшая барыня в синем бархатном салопе:

— Возьмите, молодой человек, не пожалеете. Хороший механизм, швейцарский, век служить будут.

Швейцарский механизм или, к примеру, французский — Моторину было до фонаря, но нарядная голубая эмаль с блестящим камушком посредине крышки ему очень глянулась. Ещё явственно представилось, как выуживает часики из кармана и надевает на шею Тоньке Васильевой, путаясь пальцами в её кудрявых волосах, похожих на золотистый шёлк. И станут часики у неё на шее тикать, как маленькое заводное сердечко: тик-так, тик-так. Любо-дорого!

Куда ни пойдёт жена, а часики при ней — напоминают о муже. Его кинуло в жар: жена! Слово-то какое! Тёплое, душевное, будто каравай из печи!

При мысли о Тоньке ноги сами сорвались с места. Дышать вдруг стало легко,

привольно, словно крылья за спиной выросли и понесли в родную слободу, где родился, вырос и успел полюбить синеглазую соседскую девчонку с занозистым характером и весёлым нравом.

«А всё-таки надо будет повенчаться в церкви, как положено, — подумал он, пряча лицо от колючего ветра. — Комсомол комсомолом, а венчаный брак покрепче будет, чем казённая бумажка с печатью. Устроюсь на работу, куплю хромовые сапоги, а Тоньке, самой собой, справим новое платье и честным пирком да за свадебку!»

В армии, перечитывая без конца коротенькие Тонькины весточки, он много раз вспоминал тот день, когда впервые заметил свою зазнобу. Ну как заметил? Знать-то он её знал сызмальства: обыкновенная сопливая девчонка из соседнего двора, что путается под ногами старшего брата Федяхи и мешает взрослым людям нормально говорить.

Голенастая, нескладная, с худыми ногами и острым носом. Ничего в ней не было красивого или привлекательного. То ли дело буфетчица Маруся, что была старше их с Федяхой на пять лет и в которую были влюблены все окрестные ребята. Маруся имела

огненно-чёрные очи, фигуристую осанку и негромкий гортанный смех с голубиными переливами — курлы, курлы. После того как Маруся павой проплывёт через двор, на других девчонок, тем паче на малолеток, и смотреть не хочется. В тот день они с Федяхой и Колькой Евграфовым забились в щель между поленницами дров. Было там у них такое потаённое место, куда ушлые ребяташки помладше соваться не рисковали — уважали.

— Гля, ребя, что у меня есть! Обзавидуетесь! — Рука Федяхи нырнула за ворот рубашки и достала оттуда коробку папирос фабрики «Дукат». — Курнём?

У Сашки аж дыхание занялось.

— Ух ты, дорогущие! Где взял?

— Заработал! — Федяха небрежно выудил из коробки папирсину, зачем-то постучал ею об ноготь и лихо засунул в рот. — Я с одним мужиком на Хитровке познакомился, сказал, возьмёт меня в дело, мануфактурой торговать. — Щедрым жестом он протянул коробку друзьям: — Угощайтесь, братаны.

Те несмело вытащили оттуда по папиресе.

Федяха и Колька закурили уверенно, как взрослые. Ему, Сашке, отчаянно захотелось показать, что не лыком шит, ведь кто, как не

он, поступил учеником на завод, а всем известно, пролетариат — могильщик капитала, и не может быть, чтобы могильщику мамка не дозволяла выкурить папироску-другую.

Едва успели сделать по затяжке, как с другой стороны поленницы раздался тонкий ехидный голосок:

— Ты зачем, Федька, папкины папиросы украл?

Покраснев как рак, Федька молниеносно спрятал руку за спину:

— Ни у кого я не крал! Заработал! А ну брысь отсюда!

— Врёшь-врешь-врешь! Я сама видела, как ты в папиных карманах шарил!

— Ух, я тебя! — набычив голову, загудел Федяха.

— Брось, пусть болтает, — безуспешно попытался урезонить друга Колька Евграфов, но Федяха, взревев как бык, рванулся догонять вредную Тоньку.

Она бежала легко, как пущенная из лука стрела, юрко уворачиваясь от хватающих рук брата:

— Не догонишь! Не догонишь!

Когда Тонька обернулась на повороте, Федяха резко воскликнул:

— Сашка, лови!

Тонька неслась прямо на него. Резким броском вперёд Сашка раскинул руки по сторонам, и Тонька пойманной рыбкой забилась в его объятиях.

— Пусти, дурак! Только тронь!

Полыхнув глазами, она замахнулась на него крепко сжатым острым кулачком, и тут Сашка, уже схвативший её за шиворот, вдруг увидел, какая Тонька красивая! Несколько мгновений он как ошпаренный смотрел на нее, не понимая, откуда взялись глубокая синева её глаз и длинные чёрные ресницы с загнутыми вверх кончиками. У неё была молочно-белая кожа с тонким румянцем и высокий лоб с крутым завитком соломенных волос.

Как во сне, он разомкнул руки и заслонил Тоньку собой от подросшего Федяхи.

— Не трогай её, Федяха. Пусть идёт во свояси.

И Тонька, пигалица, видимо, уловила в его голосе ту особенную мужскую хрипотцу, которая с ходу подсказывает женщине, что она победила. Вскинув голову, она неспешно отошла на несколько шагов и только потом со смехом задала стрекача.

Три последующих года, пока Тоньке не исполнилось семнадцать, Сашка не выпускал её из поля зрения, нет-нет да и ревниво поглядывая, не водится ли она с ребятами из соседнего двора или не обижает ли её кто. Да и целовались они всего один раз на проводах в армию. Тогда Тонька и дала слово верно ждать его и не гулять с другими парнями.

Почти у самого дома Моторин придержал шаг, чтобы глубже почуять дух детства, круто замешенный на сизом дыме из заводских труб, паровозных гудках и скрипе конных поезов, тянущихся вдоль тракта.

Слава тебе, большевистская партия, что привела к родимому порогу. Несмотря на пургу, он издалека узнал двух баб с кошёлками — тётку Таню и тётку Симу, что знали его сызмальства.

Увидев его, тётка Сима всплеснула руками: — Прилетел, соколик, а уж мать-то как заждалась!

А тётка Таня, лучшая маманина подруга, нахмурилась и посмотрела на него долгим скорбным взглядом, каким смотрят на тяжело болящего. И в этом взгляде, и в том, как она подбоченилась, и в её оглушительном

молчании он, как скотина в загоне, разом почувял что-то недоброе.

* * *

Знакомый до трещинки деревянный барак в два этажа, отхожее место на улице, поленицы дров — казалось, что время здесь навсегда застыло в точке замерзания. Как он и думал, при виде него мать вскрикнула, бросила шитьё, что держала в руках, и припала головой к его шинели, насквозь пропахшей табаком и запахом зимней свежести.

— Сынок, кровинушка! Уж как я тебя ждала, как ждала! Все глаза в окно проглядела: не идёшь ли! — Дрожащими руками она оглаживала колючие щёки сына, потом притянула к себе его голову и поцеловала в лоб. — Ты раздевайся, сынок, отдохни, — она кивнула головой в сторону кровати с грудой подушек, — а я пока на стол соберу. У меня как раз картошка наварена. И капустка имеется! Хорошая такая капуста с клюковкой, всё как ты любишь! А ещё грибочки солёные и мочёные яблоки. И графинчик с наливочкой найдётся, специально к празднику припасла.

Мать металась по комнате, говоря без умолку, пряча за пустыми словами самое важное, что ему хотелось знать в первую очередь.

Скинув шинель, Моторин сел на табурет — покойный отец мастерил — и стянул с ног ботинки, а потом провёл пальцами по краю сиденья, вспоминая, как отец принёс табурет в дом и гордо кивнул маме: «Принимай, работу, жена».

Отец умер от испанки. Сгорел в два дня, когда испанский грипп косил горожан направо и налево. Происходило всё молниеносно, как в жутком сне: здоровый и весёлый человек вдруг начал метаться с жаром в теле и задыхаться, а на следующий день его уже несли на погост.

— А как там моя Антонина? — спросил Моторин нарочито безразлично, хотя внутри каждая жилочка дрожала от нетерпения.

— Тонька-то? — пряча глаза, переспросила мать и как-то сразу потускнела, осунулась. — Да что ей делается? Тонька как Тонька. Жива-здорова. Давеча на рабфак учиться пошла.

Суетливым движением мать схватила чайник, потом поставила его обратно, взяла веник и тщательно замела коврик перед дверью.

— Мам, говори, не томи, что с ней? — прикрикнул Саша. — Я ведь всё равно узнаю.

Мать кинула веник к печи и безвольно опустила руки. Он увидел, как от её пальцев вверх, под рукав тянутся ниточки синих вен. И то, что пальцы у мамы красные, распухшие, он тоже заметил.

— Узнаешь, конечно, узнаешь, — невнятно пробормотала мама. Она вдруг резким движением откинула волосы со лба и выкрикнула: — Замуж Тонька выходит. В субботу свадьба.

— Замуж? В субботу? — Он не заметил, что несколько раз повторяет одно и то же, не в силах вникнуть в смысл слов. — Она же мне письма писала! Не может быть, ты что-то путаешь!

— Напутаешь тут, коли весь двор в гости зван. Колька Евграфов сам лично всех обошёл ради уважения.

— А при чём здесь Евграфов? — не понял Моторин. — Тонькин брат — Федяха.

— Брат Федяха, а Колька Евграфов, твой дружок закадычный, — жених, чтоб ему пусто было! Вишь, в армию его не взяли, потому что слабогрудый, а он на заводе мастером заделался. Ходит с портфелем, на митингах

речи говорит, а недавно в Кремле был, и сам товарищ Калинин ему руку жал.

От слов матери Моторину показалось, что у него в мозгу разорвалась граната «лимонка». Внезапно стало темно, жарко, и по груди снизу вверх поднялась огненная волна, затопившая его с головы до пяток.

— Неправда, мама! Скажи, что ты пошутила!

Он спросил просто так, оттягивая момент, когда придётся осознать неизбежное.

— Вот те крест!

Мама истово закрестилась, мелко-мелко всхлипывая, и её глаза набухли слезами.

Несколько мгновений Моторин сидел выпрямившись, словно сухая жердь, и чувствуя, как по телу прокатывается шар свинцовой ненависти. Ненависть билась внутри, клокотала, просилась наружу, и он то сжимал, то разжимал кулаки, а потом схватил с гвоздя на стене подвернувшуюся под руку верёвку и рванул во двор.

— Саша, Саша, стой! Куда?! — бросилась за ним мама, неловко хватая за подол рубахи. — Сынок, не ходи!

Она зацепилась за рукомойник в коридоре. Звякнуло и покатилося по полу пустое ведро. Хлопали двери, из комнат выглядывали соседи.

Материнский крик гулким колоколом бился о стены:

— Не пуцу! Не ходи к ней, Саша! Не бери греха на душу!

На улице метель кинула в лицо горсть снега. Словно в хороводе, перед глазами кружились дома, лица, грубо сколоченный столик со скамейками, доверху засыпанные снегом.

— Сынок!!! Оставь её! — азбукой Морзе прорывался сквозь метель голос матери.

Размахнувшись, Моторин что есть силы хлестанул верёвкой по стволу берёзы под окном. Он бил, бил, бил, и дерево под его ударами тряслось и стонало.

— Ненавижу! Будьте вы прокляты!

* * *

Меня разбудило негромкое тиканье будильника. Странно, но шум в общем коридоре, звон жестяного ручкомойника, крики ребятни во дворе так не тревожили, а совсем тихий звук разбудил. Сквозь сомкнутые веки в комнату просачивался свет из окна: значит, мама и папа уже ушли на завод.

Не раскрывая глаз, я протянула руку и дотронулась до чемодана у кровати. Пальцы

наткнулись на холщовый чехол, и я блаженно погладила чемодан, как будто это была пушистая домашняя кошка. Если бы чемодан в ответ замурлыкал, я, честное слово, не удивилась бы, потому что сегодня необыкновенный день, какой бывает раз в жизни.

Уже сегодня (!) мы с родителями переедем в новый дом, где не будет тянуть сквозняком из всех щелей, где не надо будет бегать на улицу в туалет и, поёживаясь от ветра, ждать, пока оттуда вынырнет кто-нибудь из соседей. Прощай рукомоёйник с подставленным ведром и здравствуй просторная комната на пятом этаже дома на улице с замечательным названием Авиамоторная! Это тебе не прежнее название — Первая Синичкина! Синички, конечно, птички приятные, но их на новейшие советские самолёты не поставишь и в летучую повозку не запряжешь! А в названии Авиамоторная мне слышался свист ветра и могучее гудение самолёта на взлёте, когда военлёт садится за штурвал и машина послушно подчиняется рукам человека.

Самое главное — в новом доме не будет соседки, тёти Нюры Моториной, которая смотрит на всех из нашей семьи как на врагов народа. Секретов во дворах не бывает, и все

в округе знали, что давным-давно, аж восемнадцать лет назад, дядя Саша Моторин был маминым женихом, но она не дождалась его из армии, потому что полюбила папу.

Я вздохнула и снова погладила угол чемодана.

Неприятная, конечно, история, но тётя Нюра Моторина должна благодарить маму за мужа, а не смотреть волчицей, иначе она никогда не вышла бы замуж за дядю Сашу. А ещё у Моториных есть шестилетний мальчишка Витька, противный до невозможности. Например, вчера после дождя маленький поганец кидался в меня лепёшками грязи и запачкал новенькую голубую юбку. Но самое главное, я не смогла догнать его и надрать уши, потому что шла рядом с Серёжей Луговым, нашим школьным комсоргом. Пришлось делать вид, что я не заметила Витькиной выходки, хотя и успела исподтишка показать ему кулак.

Мама говорила про Моториных: «Не обращай внимания, так сложилась жизнь. Они могут сердиться только на меня, а ты тут ни при чём».

Но разве можно не обращать внимания на ненависть? И разве не сам человек складывает свою жизнь? Ведь если бы мама вышла

замуж за дядю Сашу Моторина, то я была бы не Ульяна Евграфова, а Ульяна Моторина или вообще не появилась бы на свет и в новую квартиру переезжал бы какой-нибудь парень или другая девчонка. Ужас какой!

Дядя Саша Моторин мне не нравился: он был очень худой, высокий и когда смотрел на маму с папой, его лицо становилось мрачным и замкнутым, даже если до этого он играл на гармонии что-нибудь весёлое. На гармонии дядя Саша играл хорошо, и ни один праздник во дворе не обходился без его музыки.

Из-за Моториных родители старались не посещать общие праздники, а если отвертеться не получалось, то сидели всего минут пять, поздравляли и быстро уходили. Нет, я точно не хотела бы иметь папой дядю Сашу!

Окончательно запутавшись в размышлениях, я откинула одеяло и обвела глазами опустевшую комнату и тюки вещей у двери. Следующую ночь я просплю на новом месте. А как там говорится: на новом месте приснишь жених невесте? На ум некстати пришёл Серёжа Луговой, и я почувствовала, как к щекам прилила краска. Глупости! Какие глупости! Школьницам стыдно думать про женихов и про всякие там мещанские шуры-муры.

Вскочив, я встала подальше от окна без занавесок и стала маршировать, шлёпая по полу босыми ногами. Раз-два-три-четыре, левой, правой, левой, правой! И придёт же в голову всякая ерунда! Не про женихов надо думать, а о последнем классе в школе и о поступлении в институт. Я ещё не решила, куда пойти учиться дальше, потому что мне хотелось стать одновременно и археологом, и путешественником, и лётчицей. Обидно, что девушек не берут в военные училища! Чем мы хуже?

В памяти сам собой возник бодрый мотив популярной песни:

Если завтра война, если враг нападет,
Если тёмная сила нагрянет...

Я посмотрела на отрывной календарь, который забыли упаковать, и подумала, что навсегда запомню завтрашний день как начало новой жизни: двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года.

Георгий Жуков, генерал армии. 22 июня:

«В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку.

Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал: “Не провокация ли это немецких генералов?”

“Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация...” — ответил С. К. Тимошенко.

... Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов: “Германское правительство объявило нам войну”.

И. В. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза»¹.

* * *

Теперь я знаю, что война начинается с отчаянного стука в дверь и дикого крика:

— Скорее, бегите скорее! Там!.. Там!

Соседка стояла полураздетая, в шёлковой комбинации, растрёпанная и босая. Мы познакомились только утром, и я запомнила, что её зовут Светлана Тимофеевна.

— Бежим! Скорее!

Она задыхалась, тяжело хватая ртом воздух. И мы побежали. Мама в полосатом платье и домашних тапочках, папа в майке и домашних брюках, я в сарафане.

¹ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.

— Пожар? Наводнение? Что случилось? — причитала на ходу мама.

Никто ничего не понимал, но на улице уже скопилась толпа народу, и все бежали в одном направлении — к рупору ретранслятора на углу дома. По мере приближения к ретранслятору шум стихал, и в воздухе повисала напряжённая тишина, в которой падали тяжёлые, как камни, слова Молотова¹:

«Граждане и гражданки СССР! Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас...»

Толпа народу уплотнялась за счёт вновь прибывших. Я видела впереди себя застывшие спины и вытянутые шеи. Люди выскочили из дому кто в чём, поэтому на Светлану

¹ Выступление Вячеслава Михайловича Молотова по радио 22 июня 1941 года — историческое выступление народного комиссара иностранных дел СССР, заместителя Председателя Совнаркома СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б), в котором он официально сообщил советскому народу о нападении нацистской Германии на Советский Союз и объявил о начале Отечественной войны против агрессора.

Тимофеевну никто не обращал внимания. Казалось, что воздух вокруг ретранслятора вибрирует тревогой. Я почувствовала на плечах мамину руку. С другой стороны меня обнял папа, и мы так и стояли, прижавшись друг к другу, не в силах сдвинуться с места от оглушительного сообщения правительства.

Война... война... война. Я увидела рядом с собой человека с остекленевшими глазами и не сразу поняла, что они принадлежат Светлане Тимофеевне.

— У меня муж — военный на границе. Он должен приехать ко мне завтра. Наверно, сейчас в пути. Как вы думаете, он успеет добраться до Москвы? Успеет?

Она растерянно лепетала про мужа и вопросительно озиралась вокруг, словно надеясь, что кто-нибудь из толпы вдруг скажет что-то спокойное и уверенное, отчего лица людей разглядятся и тревога мгновенно улетит прочь.

— Света, пойдём домой, — обратилась к ней моя мама. — Пойдём, тебе надо одеться.

Она взяла соседку за руку, как маленькую, и та послушно засеменила сзади, бесконечно повторяя слова про мужа, про границу и про то, что их ребенок сейчас у бабушки

в Ленинграде, но в Ленинграде наверняка безопасно, и самолёты с бомбами туда точно не долетят.

Я шла за родителями и не понимала, как получилось: десять минут назад был мир, а сейчас вдруг война? Ведь на улице воскресный день, светит солнце, а листва деревьев по-прежнему отбрасывает на тротуар ажурные тени, наш новый дом блестит чисто вымытыми окошками, и в витрине булочной стоит огромная корзина, полная калачей и сушек.

К телефонной будке тянулась длинная очередь. Девушка на скамейке, закрыв лицо руками, плакала навзрыд. Маленький мальчик с воздушным шариком держал мороженое, а мама вытирала ему рот платком. Детали обстановки врезались мне в память и застревали глубоко внутри, потому что война уже стояла у порога и барабанила в дверь железным кулаком.

Я тронула папу за локоть:

— Мне надо пойти в школу. Наверное, все наши уже там.

Папа кивнул:

— Да, конечно, а мы с мамой сейчас пойдём на завод.

— Можно я с вами на завод?

Я подумала, что заводчане наверняка знают больше, чем школьники, и от рабочих я, скорее всего, услышу важные новости про то, что танки наши быстры, и самолёты — сталинские соколы — летают высоко, и вообще, война продлится месяц, от силы два, потому что наша армия — самая непобедимая и отважная.

Папа пригладил рукой волосы, и этот привычный жест немного рассеял мою тревогу.

— Хорошо, пойдём. Только отведём домой Светлану и переоденемся. — Он поглядел на мамины тапочки и удивлённо посмотрел на себя. — Боже, я даже не заметил, что выбежал в майке.

— Ты думал, что начался пожар, — осторожно предположила я.

Папа вздохнул:

— Да, дорогая. Боюсь, что именно он и начался.

Хотя в его тоне преобладали сдержанные нотки, по моей спине пробежал холодок. Я вспомнила про сожжённую Москву во время нашествия Наполеона и хотела переспросить папу: ведь сейчас точно такого не случится? Немцы не смогут дойти до Москвы, ведь здесь все мы, правительство, Кремль, Сталин!

Мы не сдадим Москву! Я расправила плечи, подняла голову и стала упорно, в такт шагам твердить эту фразу. Твердила до тех пор, пока мы не дошли до самого дома.

* * *

Я несколько раз была у родителей на заводе. Мама работала в заводууправлении, а папа в механическом цеху, мастером. Обычно для посетителей выписывали пропуск, но сегодня мама просто объяснила на проходной:

— С нами дочка.

И пожилой охранник согласно кивнул головой:

— Проходите.

По его лицу текли слёзы. От того, что сильный старик с широкими плечами и окладистой седой бородой плачет, мне стало жутко. Тоже захотелось зареветь как маленькой, чтобы мама взяла на руки, поцеловала и сказала: «Не бойся, я с тобой».

Тогда я уткнулась бы в мамино плечо и стала поглядывать вокруг одним глазом, твёрдо зная, что в её руках мне хорошо, уютно и безопасно.

Через проходную сплошным потоком шли заводчане. Мама с папой здоровались, пожимали руки, с кем-то негромко разговаривали. Я увидела несколько молодых ребят — моих ровесников — и позавидовала, что они рабочий класс, взрослые, а я обычная школьница и считаюсь ребёнком.

Рупоры ретрансляторов разносили по территории речь Молотова, которую повторял диктор. Короткие, рубленые фразы доходили до самого сердца, придавливая к земле и заставляя людей сплачивать ряды в единый монолит из множества песчинок, таких как я, мама, папа или та женщина в синей спецовке, что наступила мне на ногу.

Чтобы не потеряться, я взяла папу под руку, но тут же опомнилась: не время сейчас ходить под ручку, как на прогулке.

— Не может быть, чтобы война продолжалась долго, — говорил кто-то позади нас.

— Наши им дадут огонька! У меня сын в армии, напишу ему, чтобы бил покрепче фашистскую гадину, — ответил хриплый бас с сильным дыханием завязтого курильщика.

— Товарищи! — горячей волной пронёсся над нами мужской голос, мгновенно оборвав все разговоры и шорохи.

Люди замерли. Я встала на цыпочки и увидела, что посреди заводской площади стоит грузовик с несколькими людьми.

— Директор завода, парторг, комсомольский вожак и профком, — быстро пояснила мама.

— Товарищи! — Директор завода взялся рукой за отворот пиджака и подался вперёд. — Дорогие товарищи! Сегодня без объявления войны на нас напал жестокий и коварный враг — фашистская Германия. Гитлеровские самолёты бомбят наши города и сёла и рвутся через границу, чтобы убивать и грабить! В четыре часа утра был нанесён бомбовый удар по Севастополю и Прибалтике, горят Каунас, Киев и Житомир! Красная армия ведёт тяжёлые бои! Но мы все как один, от мала до велика, поднимемся во весь рост и дадим врагу достойный отпор. — Директор обвёл глазами собравшихся.

Под его взглядом я почувствовала себя выше и старше. Он сказал: все от мала до велика, а значит, и я тоже должна встать на защиту Отечества и не струсить.

— Первое, к чему я вас призываю, товарищи, — это дисциплина! — продолжил директор. — Дисциплина, дисциплина и ещё раз дисциплина. Только так мы сможем собрать

силы воедино и сокрушить врага! — Он стиснул руку в кулак и взмахнул им в воздухе, как кавалерийской шашкой.

— Да немцы от нас скоро драпать будут! — звонко взлетел и потух чей-то бодрый выкрик.

«Директор сказал, что бомбили Севастополь», — подумала я с холодком ужаса. Два года назад мы с родителями ездили в Крым, в заводской санаторий. Чётко вспомнилось, как мои ноги окатывали тёплые буруны волн, а черноглазая официантка Олеся угощала варениками с творогом и вкусняющим вишнёвым компотом. Неужели наш санаторий разрушен и Олеся убита? Крепко сжав зубы, я замотала головой: «Нет! Нет! И ещё раз нет!»

Я не заметила, как произнесла это вслух, и закрыла себе рот ладонью.

— Тоня, я должен идти в военкомат, — негромко сказал папа маме, но его фразу услышали другие мужчины, и внутри толпы, набирая силу, пробежал ропот: военкомат, военкомат, военкомат.

После директора выступал парторг, а потом полная женщина из профсоюзного комитета. Вместе со всеми я жадно ловила каждое

произнесённое слово и понимала, что детство осталось где-то там, за горизонтом войны, и теперь я тоже должна вести себя по-взрослому, хотя очень тянуло зареветь во всё горло.

Указ Президиума Верховного Совета СССР
О МОБИЛИЗАЦИИ ВОЕННООБЯЗАННЫХ ПО ЛЕНИНГРАДСКОМУ,
ПРИБАЛТИЙСКОМУ ОСОБОМУ, ЗАПАДНОМУ ОСОБОМУ,
КИЕВСКОМУ ОСОБОМУ, ОДЕССКОМУ, ХАРЬКОВСКОМУ,
ОРЛОВСКОМУ, МОСКОВСКОМУ, АРХАНГЕЛЬСКОМУ,
УРАЛЬСКОМУ, СИБИРСКОМУ, ПРИВОЛЖСКОМУ,
СЕВЕРОКАВКАЗСКОМУ И ЗАКАВКАЗСКОМУ ВОЕННЫМ ОКРУГАМ

На основании статьи 49 пункта «л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию...

Свежие номера газет только что расклеили. Я стояла в толпе около газетного стенда и слушала, как седой старик читает вслух Указ Президиума Верховного Совета. Он повернулся и взглянул на меня.

— Иди сюда, дочка, прочитай дальше, у тебя глазки молоденькие.

Широкой рукой, похожей на совок, старик подтолкнул меня к стенду. За спиной я чувствовала дыхание собравшихся, и от важности произносимых слов у меня то и дело срывался голос.

— ...Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днём мобилизации считать 23 июня 1941 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.

Москва, Кремль, 22 июня 1941 года

— Мой сынок — восемнадцатого! — всплеснулся отчаянием тонкий женский голос. — Он тридцать первого декабря родился, аккурат под Новый год. Нет чтобы денёк подождать.

— Двадцать три года твоему сыну, мужчина уже, — веско сказал старик, и женщина враз притихла, изредка всхлипывая. — Плакать начнём, когда восемнадцатилетних призывать станут.

— А мы добровольцами пойдём! — запальчиво перебил его веснушчатый паренёк в белой футболке. — Хоть нам и не хватает лет, но по подвалам отсиживаться не будем. А то, глядишь, и война закончится!

Я посмотрела на паренька с уважением, потому что тоже шла в школу с намерением спросить, как пробраться на фронт.

— Хватит войны на вас, ребятки, — тяжело вздохнул старик. — Слыхали небось, что вместе с Германией войну нам объявили Италия и Румыния? Помяните моё слово, скоро

и вся Европа подтянется. Уж мы-то знаем, что эта шелупонь перед Гитлером быстро прогнётся. — Он улыбнулся пареньку: — А ты, брат, правильно рассуждаешь, по-нашему, по-русски. Я тоже в ополчение пойду, дома не останусь, коли страна в опасности. Первую мировую сдюжили, Гражданскую пережили и тут не отступим.

— Но почему молчит Сталин? — негромко спросила молодая женщина. Она держала на руках девочку, а та теребила маму за воротник. — Уже сутки прошли с начала войны, Молотов выступил. Говорят, в церквах зачитали послание митрополита Сергия, а Сталин молчит. Может, его уже и в Москве нет? — Лицо женщины приняло испуганное выражение, и она шёпотом закончила фразу: — А вдруг он заболел?

От ответного молчания женщина заторопилась и боком выбралась из скопления людей — обсуждать Сталина представлялось опасным.

Утреннее солнце так же, как вчера, щедро заливало улицы тёплым светом. Я заметила начерченную на асфальте сетку игры в классики и поняла, что сейчас заплачу от того, что ещё вчера утром могла смеяться, шутливо

прыгать на одной ножке и пить в парке клюквенное ситро за три копейки. А сегодня — война и мужчин призывают на фронт. Папа! Мой папа — тысяча девятьсот пятого года рождения! Меня пронзила мысль, что я могу вернуться домой, а папа уже уйдёт воевать!

Я протолкнулась между двух женщин, беспрестанно бормоча извинения:

— Пропустите, пожалуйста, мне срочно надо домой!

Слома голову я понеслась на Авиамоторную. Новые туфли, купленные накануне каникул, натирали пятки. Сатиновая юбка забивалась между ног, и приходилось всё время останавливаться, поправлять складки. И только когда впереди мелькнула крыша барака, я сообразила, что прибежала на старую квартиру, во двор, родной до последней прищепки на верёвке для белья. Я непроизвольно взглянула на пустые окна нашей бывшей комнаты и поняла, что за два дня успела соскучиться по скрипучему полу со сквозняками, по умывальнику в общем коридоре, по запаху керосинового чада из кухни и по всему тому, среди чего я выросла.

На скамейке около стола, где мужчины любили играть в домино, сидела тётя Нюра

Моторина и быстро-быстро вязала на пяти спицах. С её коленей свисал длинный шерстяной чулок. Маленькая, кругленькая, издалека она выглядела уютной тётенькой с ямочками на щеках, но я прекрасно знала, как её глаза могут презрительно сощуриться, а рот вытянуться в тонкую щёлку.

Моторина опустила вязание и уставилась на меня в упор. Если бы она могла, то высверлила бы во мне дырку.

— Явилась? Пора забыть сюда дорожку.

Я вспыхнула. Зачем она так? Ведь сейчас война, и все должны быть вместе. Разумно промолчать у меня не получилось, и я запальчиво отрезала:

— Захотела — и пришла, у вас не спросила! Двор общий.

О скандальном нраве Моториной знала вся округа, поэтому я не стала ждать продолжения, а развернулась и побежала обратно, в свой новый дом. Указ о мобилизации висел за моими плечами, как набитый камнями вещевой мешок. Успеть бы! Вдруг папа уже ушёл?

Сердце колотилось жарко и часто.

— Ульяна! Улька! Стой! — Крик в спину ударил, как мячик во время игры в лапту. Притормозив, я оглянулась через плечо на подружку

Таню. — Улька! Ты куда несёшься? Я бегу сзади, кричу, а ты не слышишь. — Запыхавшаяся Таня тяжело дышала и облизывала губы. В её голубых глазах плескался упрёк. — Почему ты не пришла в школу? Я тебя ждала!

— Я домой, там папа. Мобилизация. — Я поняла, что путаюсь в словах. — Вдруг я приду, а они уже ушли? Насовсем.

— Они все на работе. И твои, и мои. — Таня поравнялась со мной и пошла рядом. — Мама сказала, что мастерам будут давать бронь, потому что они нужны заводу.

— Бронь? Что это такое? — не поняла я.

И Таня спокойно объяснила:

— Тех, кому завод даёт бронь, в армию не призывают. Наши с тобой папы — мастера, и они останутся в Москве.

В первый момент я так обрадовалась, что едва не кинулась Тане на шею. Но, подумав, покачала головой:

— Нет. Мой папа точно пойдёт на фронт. Может быть, не сегодня, но пойдёт. Я его знаю.

* * *

Первые дни войны Москва ещё жила по инерции, словно старалась успеть запомнить

мирную жизнь, что уже догорала в дыму пожара. Рано утром на улицы выезжали поливальные машины, с семи часов начинали работать молочные магазины и булочные, в парикмахерских делали причёски, дымили трубами заводы у Заставы Ильича, и что потрясло меня больше всего — в парке играл духовой оркестр, а на танцплощадке под фокстрот «Рио-Рита» кружились пары! Мелькали юбки, стучали каблучки, звучал смех, и если закрыть глаза и глубоко вдохнуть тёплый московский воздух, то можно представить, что на самом деле никакой войны нет и всё случившееся — чья-то злая выдумка.

— Ничего, месяц-полтора — и раздавим гадину, — уверенно сказал мужчина в костюме, когда я пришла в магазин со списком покупок. И я ему сразу поверила, потому что каждый старается верить в хорошее, задвигая плохое в дальний угол, или вообще делает вид, что проблемы не существует.

Мужчина стоял впереди меня и покупал сардельки. Продавщица кинула на весы гладкие розовые сардельки, похожие на откормленных поросят, и вздохнула:

— Скорей бы. А то у меня товара кот наплакал. Все как сговорились — покупают соль

и спички. Ещё крупу и муку хорошо берут. Вам, кстати, не надо? А то последний мешок риса на исходе.

— Мне надо, — попросила я, хотя мама не наказывала купить рис. Почему-то сообщение продавщицы меня озаботило, и я подумала, что мама точно не станет ругать меня за самовольство. Мне ненадолго стало стыдно, что я веду себя как паникёрша и скупаю продукты, но слово не воробей: вылетит — не поймаешь, тем более что продавщица уже свернула кулёк из бумаги и взяла в руки совок для крупы.

— Дам кило, а больше не проси. А то на всех не хватит.

Я оглянулась на длинную вереницу людей, которая заканчивалась где-то на улице. Очереди за продуктами уже стали приметой военного времени. На улице я увидела почтальоншу с пачкой зелёных повесток в руке. Навстречу шли мужчины с рюкзаками и чемоданами, их сопровождали заплаканные женщины, дети цеплялись за отцовские брюки... А мне хотелось ободрить всех и закричать:

«Не бойтесь, только что мужчина из очереди пообещал, что к осени война закончится, а значит, скоро ваши мужья и папы вернутся домой!»

Прижав к груди сумку с покупками, я стояла и смотрела, как навстречу призывникам шёл строй солдат в новой форме: за плечами винтовки, на голове пилотки с красной звёздочкой. От их слаженных движений исходило ощущение силы, способной остановить любого врага.

— Счастливые! — с завистью сказал паренёк с велосипедом. — А меня не взяли в армию, сказали, чуток подрасти. А я, между прочим, значкист ГТО.

«Счастливые», — эхом повторила я про себя, но тут же остановилась от мысли, что счастливыми они были в мае, на демонстрации, когда несли цветы, воздушные шары и транспаранты, а не винтовки. И все люди до войны купались в счастье, даже те, кто был в ссоре, таил обиды, сидел у постели больного или жаловался на нехватку денег. Неужели война существует для того, чтобы люди смогли с благодарностью ценить мир?

* * *

Главная мысль, которая тревожила граждан СССР от мала до велика, выливалась в три слова: «Почему молчит Сталин?» В открытую

обсуждать боялись, а ну как ночью раздастся звонок в дверь и чёрный «воронок» повезёт в допросную на Лубянку:

«Расскажите-ка, гражданин, как составляли заговор против советской власти? Кого привлекали? Где запрещённая литература?»

А потом по законам военного времени под белы ручки да в расход. Много их, безвинных душ, в общих могилах захоронено. На расстрельном Бутовском полигоне небось сама земля стонет и плачет. Слухи о расстрелах в Бутове и Коммунарке просачивались исподволь, мало-помалу, словно оттаявший изпод земли лёд. Москвичи переговаривались с оглядкой, пугливым шёпотом, памятуя о том, что и у стен есть уши. Поэтому, чтобы не нарваться на неприятности, оставалось лишь ожидать речи вождя, веря, что великий Сталин обязательно разъяснит ситуацию на фронтах и успокоит народ своим мудрым словом.

Каждое утро я видела, как люди у громкоговорителя переглядываются и с надеждой спрашивают друг друга:

— Не слышали, было обращение? Вдруг мы пропустили?

Чьё обращение — не упоминали. И так понятно. «Отец народов» молчал, и его молчание

страшило больше, чем все гитлеровские дивизии, что, лязгая гусеницами танков, неумолимой армадой двигались на восток.

Сталин выступил по радио на двенадцатый день войны, и мама, моя коммунистическая мама, перекрестилась:

— Ну, слава Тебе, Господи, а то уж не знали, что и думать.

Как раз когда ожил громкоговоритель на заводской территории, я принесла папе смену белья. Он почти не выходил из цеха, работая круглосуточно. Спал там же, на заводе, вповалку вместе с другими рабочими на наскоро сколоченных деревянных топчанах. Мама иногда забегала домой посмотреть, как дела, и если я её заставала, то просила разрешить проводить.

В словах товарища Сталина звучала неприкрытая боль:

«Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт

новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилёв, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьёзная опасность...»

Вцепившись в мамину руку, я слушала спокойный, глуховатый голос Сталина и думала, что раз Сталин в Кремле, живой и здоровый, то, значит, скоро конец войне. Ведь не может быть, чтобы он не придумал способ сокрушить проклятого Гитлера! День-два, и Сталин соберёт в Кремле полководцев, взмахнёт рукой с зажатой в ней трубкой и отдаст приказ немедленно уничтожить войска противника на всей территории СССР.

Я не уловила того момента, как сквозь толпу пробрался папа и встал позади нас с мамой. Ретранслятор замолчал, и люди тоже молчали, не двигаясь с места, словно надеялись, что Сталин ещё раз повторит свою речь. И сквозь напряжённую тишину ожидания я услышала тихий папин голос:

— Тоня, я сегодня с вами последний день. Сейчас здесь будет митинг, и я запишусь в ополчение.

— Коля, тебе нельзя на фронт, ты не подлужишь призыву, у тебя хронический бронхит. Если ты простудишься, то пропадёшь, — просительно сказала мама, обернувшись. Она прижала руки к груди и с побелевшим лицом взглянула на папу.

Я прильнула к его боку, как кошка, и потерлась лбом о локоть. Папа, мой папа собирался уйти на фронт! Внутри меня гордость путалась со страхом, и я не понимала, чего больше.

Улыбнувшись, папа поцеловал маму в щёку:

— Потому я и иду не в военкомат, а в ополчение. В ополчение всех берут без всякой медицинской комиссии.

— Ты не умеешь стрелять, — поникнув, возразила мама.

— Научат! Я же механик, коммунист! Надеюсь, хватит силы на курок нажать.

— Коля, а как же завод? Ты мастер, ты нужен производству! Мы собираемся выпускать снаряды! Здесь тоже фронт.

Мама внезапно ойкнула и приложила палец к губам. Я поняла, что она невольно выдала военную тайну, и быстро сказала:

— Не бойся, я не проговорюсь. Могила.

— Хорошо. — Мама страдальчески посмотрела на меня, а потом на папу: — Ну так

как же завод? Он не может работать без инженеров и мастеров.

— Нам найдут замену, — сказал папа, и по его тону я поняла, что вопрос решён окончательно. — Выйдут старые кадры, а потом подтянется молодёжь. Правда, Уляша?

От того, что меня взяли в расчёт как взрослую, я выпрямилась и показалась себе выше ростом.

— Конечно, правда! Ты спокойно иди на фронт, мы выдержим.

— Спокойно, — пробормотала мама, кусая губы. — Как-то не очень получается сохранять спокойствие. Но я возьму себя в руки. Обещаю.

Я хотела сказать папе, чтобы он писал нам часто-часто, каждый день, но мой голос потерялся в гуле заводского гудка, и лысый дядечка в помятом костюме поднёс ко рту рас-труб рупора:

— Товарищи! Все на митинг!

* * *

С каждой минутой лопата в руках становилась всё тяжелее и тяжелее, словно живущий в глубине земли гном незаметно привешивал

к ней по маленькой гирьке. Когда я придумала злого гнома, копать стало легче, потому что я изо всех сил старалась выковырнуть гадёныша из норы, выбросить на поверхность и растоптать, как пособника врага.

Рядом со мной пыхтела подруга Таня, а далее, по цепочке, вытянулся почти весь наш класс. Нам, старшеклассникам, поручили копать около школы укрытия от бомб и снарядов, их называли щелями. Щели напоминали длинный окоп с проложенными по дну досками.

— По ночам в них будет зверски холодно, но безопаснее, чем в бомбоубежище многоэтажного дома, — сказал физрук, — потому что если дом обрушится, то не факт, что всех достанут. Имейте это в виду...

Мы уже перекопали клумбу, посаженную весной на коммунистическом субботнике, и подбирались к спортивной площадке, откуда мальчишки успели вытащить турник.

Я замотала носовым платком волдыри на руке и выпрямилась, обведя взглядом фронт работ. Ещё копать и копать. Сегодня обязательно надо закончить. А вечером дома заниматься светомаскировкой, потому что родители теперь приходят с завода едва не за полночь.

Я тронула подругу за плечо:

— Фашисты за всё ответят, и за эту клумбу тоже.

— И за школу, и за наших пап и братьев, — подхватила Таня, и мы обе замолчали, глядя, как мимо нас бесконечной вереницей проходят мужчины с суровыми лицами. Со вчерашнего дня в нашей школе действует призывной пункт, и во всех классах за партами сидят призывники и терпеливо ждут своей очереди. Я жадно смотрела на них каким-то особенным, чутким зрением — теперь они не просто незнакомые прохожие, а будущие бойцы, защитники, которые через несколько дней схлестнутся с врагом в смертельной схватке: в них будут стрелять, и они будут стрелять и окажутся в гуще битвы, откуда не все вернутся живыми.

Я копнула лопатой ещё несколько раз и остановилась — громкоговоритель на столбе стал транслировать сводку Совинформбюро. С начала войны время разделилось на отрезки от сводки до сводки. Самую первую начинали передавать в шесть часов утра, и я ставила будильник, чтобы не проспять нового сообщения.

Побросав лопаты, все ребята сгрудились у громкоговорителя.

«В течение ночи продолжались ожесточённые бои на Псковско-Прохоровском направлении. На остальных направлениях и участках фронта крупных боевых действий не велось и существенных изменений в положении войск не произошло...»

— Не произошло, — упавшим голосом повторила Таня, — а я так надеялась на лучшее.

Псков, Прохоровка... С каждым километром линия фронта придвигалась всё ближе и ближе к Москве, дорогой, любимой Москве, которую я теперь ощущала неотделимой частью себя. Я заметила, как нахмурился Коля Петров и как смахнула слезинку учительница биологии Мария Лукьяновна.

— Мы всё равно победим! — звонко сказал комсорг Сергей Луговой. Расправив плечи, он гордо вскинул голову и запел: — «От тайги до британских морей Красная армия всех сильнее!» — Луговой обвёл рукой двор с гурдами вывороченной земли: — Все за работу, товарищи! Наш фронт здесь, и мы обязаны помогать партии и правительству до последней капли своей крови. — Взгляд Лугового остановился на руках моего одноклассника, Игоря Иваницкого, в кружевных женских перчатках, и он произнес: — Я вижу, среди нас есть белоручки...

Игорь вспыхнул и мучительно покраснел до кончиков ушей.

Каштановые подстриженные волосы Лугового аккуратно лежали на косой пробор, а белая отутюженная рубашка, казалось, только вышла из-под утюга. Рядом с ним невысокий худенький Игорь выглядел маленьким замарашкой с потным лбом и грязными колленками на брюках. От презрительной усмешки Сергея Игорь сгорбился, неловко наклоняя голову к плечу, как подбитая птица. В его голосе прозвучало извинение:

— Я на скрипке играю, мне нельзя пальцы ранить.

— Ты ещё не понял, что в войну не до скрипок? — резко спросил Сергей, и его красивое лицо с чётко очерченными бровями приняло замкнутое выражение. — Люди на фронте свои жизни отдают, а ты боишься мозоли натереть. Маменькин сынок!

Подбородок Игоря судорожно вздрогнул, словно он собрался заплакать. Он сжал маленькие нелепые кулаки в чёрном кружеве и тихо, очень тихо спросил:

— А ты почему не копаешь?

— Я?! — Сергей резко качнулся вперёд, и я подумала, что он сейчас набросится на

Игоря. — Да ты хоть представляешь, сколько я работы с утра провернул, пока ты на завтрак какао пил? Кто, по-твоему, лопаты организовал? Кто с утра в райком комсомола за нарядом на работы бегал? Кому отчитываться о проделанной работе? Знаешь, Иваницкий, из таких, как ты, получаются враги! — Игорь не ответил, отвернулся и стал разглядывать белое полотнище над входом в школу с надписью «Призывной пункт». Его молчание подхлестнуло гнев Лугового. Он коротко выдохнул: — Хорошо, что ты не комсомолец, Иваницкий. И знаешь, что я тебе скажу? Если ты подашь заявление в комсомол, то мы его рассматривать не будем. Тебе с нами не по пути.

Сергей говорил громко, чётко, как на митинге, словно приколачивая каждое слово к несчастному Иваницкому.

Одноклассники молчали, и я тоже промолчала вместе со всеми, хотя душу раздирали противоречивые чувства брезгливой жалости к Иваницкому и восхищения Серёжей Луговым, который всегда прав.

Не оборачиваясь на нас, Игорь Иваницкий содрал с рук перчатки и с хрустом вонзил лопату в слежавшийся грунт на дне щели.

— «Броня крепка, и танки наши быстры», — высоким голосом вдруг завела главная певунья нашего класса Наташа Комарова.

Преодолевая боль в ободранных руках, я откинула в сторону несколько пластов земли и едва не попала на ботинок Серёжи Лугового. Он встал рядом, и моё сердце ускорило ритм.

— Зря ты напал на Иваницкого. — Я откинула со лба прядь волос. — Какая разница, в перчатках он копает или без них?

— Как ты не понимаешь? — Серёжа взглянул мне в глаза. — Враг у ворот. Нам надо готовиться к подвигу, преодолевать себя, становиться настоящими коммунистами. А он... — Сергей безнадежно взмахнул рукой. — Войну не выиграешь в дамских кружевных перчатках. Согласна?

Его красивый голос чуть вибрировал на низких нотах и обволакивал меня волной тёплого бархата. Я провела ладонью по рукоятке лопаты, перепачканной кровью содранных ладоней.

— Больно? — заботливо спросил Луговой.

Я закусила губу:

— Ничего, потерплю, не маленькая.

— Вот и молодец, — обрадовался Сергей. — Кстати, ты не слышала, что там твои родители говорят про эвакуацию? Будет она или нет?

— Эвакуация? Нет, ничего не слышала.

— Ну и ладненько! — Сергей легко прикоснулся к моему плечу и улыбнулся со словами: — Давай, Ульяна, поднажми, сегодня надо полностью закончить траншею.

Сводка Совинформбюро
17 июля 1941 года

Вечернее сообщение

В течение 17 июля наши войска вели бои на Псковско-Порховском, Полоцком, Смоленском, Новоград-Волынском направлениях и на Бессарабском участке фронта. В результате боёв существенных изменений в положении войск на фронте не произошло.

Наша авиация в течение 17 июля действовала по мотомехвойскам противника, уничтожала авиацию на его аэродромах. За 15 и 16 июля уничтожено 98 немецких самолётов. Наши потери 23 самолёта.

*

Бойцы батареи лейтенанта Капацына, стоявшей в резерве, наблюдали за полем боя. Вдруг командир заметил, что семь немецких танков и две бронемашинны пробрались через мост и открыли огонь по нашей пехоте. Лейтенант быстро решил зайти с одним орудием во фланг танкам и расстрелять их в упор. Орудийный расчёт подкатил пушку к забору, стоявшему недалеко от танков. С первого же выстрела загорелся головной танк. Два снаряда разбили мотор и гусеницу второго танка. Следующими снарядами был подбит и третий танк. Немцы решили, что

по ним стреляют из кирпичного дома, который виднелся за забором, и открыли беглый огонь по зданию. За четверть часа лейтенант Капацын уничтожил семь фашистских танков и две бронемашины.

*

Между двумя подразделениями, оборонявшими берега реки Д., ночью оборвалась телефонная связь. Исправить разрыв отправились красноармейцы-связисты т. т. Трофимов и Гатауллин. Отважных связистов трижды обстреливали фашистские снайперы и автоматчики, но через сорок минут связь была восстановлена. На обратном пути вражеский снайпер тяжело ранил тов. Гатауллина. Красноармеец Трофимов отнёс раненого в кусты, перевязал рану и, положив товарища на спину, пополз к своему подразделению. Три часа под обстрелом вражеских снайперов полз отважный связист, пока добрался до своей части, доложил командиру о выполнении задания и сдал раненого товарища санитарам.

*

В югославском городе Чаковец командование фашистских оккупационных войск приговорило к смертной казни через повешение 22 словенцев, отказавшихся сдать военным властям последних коров.

*

Для поднятия угасающего духа немецких солдат немецкие командиры официально разрешили установить двух-трёхдневные грабежи захваченных городов. В латвийском городе Варакляни перепившиеся фашисты разграбили у населения все ценные вещи. На третий день грабежа, когда подошли новые орды гитлеровцев, а грабить уже было нечего, между фашистскими солдатами-мародёрами начались драки и побоища при дележе награбленного.